

УДК 330

А.А.Гриценко, чл.-корр. НАН Украины

Институт экономики и прогнозирования НАН Украины

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИЯ: АКТУАЛИЗАЦИЯ ПРОБЛЕМАТИКИ, МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ И СОПРЯЖЁННОСТЬ С ИНСТИТУЦИОНАЛИЗМОМ

Раскрываются объективные основания актуализации проблематики, методологический потенциал и сопряжённость политической экономики с институционализмом. Показано формирование институциональной политической экономики, которая в своей реализации принимает формы глобальной и локальной политэкономии.

Политическая экономия переживает ренессанс. В поисках ответов на сложнейшие вопросы современного общественного бытия к её методологии и содержанию сознательно или интуитивно обращаются не только экономисты, но и представители других областей обществоведения. Для этого есть фундаментальные объективные основания.

Современный глобальный кризис, охвативший всё общество, выявил противоречия и диспропорции не только в развитии экономики и финансов, но и в самой экономической теории. Экономическая теория, представленная мейнстримом, оказалась не способной дать ответы на проблемы, поставленные временем, объяснить суть происходящих в обществе процессов и предсказать главные тенденции развития. От самых авторитетных экономистов можно было слышать утверждения, что "центральная проблема недопущения депрессии решена, если говорить о ней на практическом уровне" (Роберт Лукас, лауреат Нобелевской премии по экономике за 1995 год, речь на ежегодном собрании Американской экономической ассоциации в 2003 году), что "современная макроэкономическая политика решила проблему делового цикла или, если говорить более точно, ослабила её до такой степени, что теперь она является вопросом, скорее частным, нежели требующим первоочередного внимания" (Бен Бернанке, нынешний председатель совета управляющих Федеральной резервной системы)¹. Однако реальность опровергла эти утверждения и продемонстрировала ограниченность методологического инструментария господствовавших теорий.

Кризисные явления в экономике всегда были предпосылкой для теоретических прорывов в экономической науке. Кризис заостряет все противоречия, обнаруживает слабые места, развёртывает перед сознанием людей разнообразие нормальных и патологических экономических

---

¹ См.: Кругман П. Возвращение Великой депрессии? Мировой кризис глазами нобелевского лауреата. – М., 2009. – С. 24–25.

форм, создавая таким образом возможности для более глубокого познания сути экономических явлений и процессов. Именно такой кризисно-инновационный процесс характерен для современного этапа развития экономической теории.

Появился целый ряд альтернативных мейнстриму направлений, претендующих на более адекватное и практически действенное отражение экономических реалий. Весь мир облетела весть, что студенты Гарвардского университета отказались слушать лекции по микроэкономике как теории, далёкой от действительности и не дающей ответов на экономические проблемы, волнующие людей. Они покидали лекции в знак протеста против курса, который "...имеет предвзятый характер, способствует и символизирует растущее экономическое неравенство в Америке... против недостаточного внимания базисной экономической теории и чтобы оказать поддержку движению, которое меняет американский дискурс экономической несправедливости"².

20 лет назад подобная ситуация, но в другом контексте, возникла с политэкономией в бывшем СССР. Теперь экономикс, почти вытеснивший политико-экономические подходы в преподавании экономической теории в постсоветских странах, сам оказался не способным дать ответы на вопросы, связанные с формированием информационно-сетевого общества, рыночной трансформацией экономики, сочетанием инверсионного характера экономического развития и глобализации.

Возникла потребность перехода от господства и поочерёдной смены одноконцептуальных подходов к многоконцептуальной теории. Последняя должна впитать в себя все достижения мировой экономической мысли, главные направления и альтернативные позиции, отражая различные аспекты и фрагменты всемирно-исторического процесса познания экономической картины мира. Но она должна представлять собой не механическое сочетание аспектов и фрагментов познания экономической действительности, а понимание её многообразной целостности.

Мейнстрим оказался не только не готовым дать адекватные ответы на вызовы времени, но и способствовал усыплению бдительности и благодушию в среде экономистов и политиков. Здесь уместно вспомнить неэффективность рекомендаций МВФ, основанных на методологии мейнстрима, для значительной части стран с формирующимися рынками, что убедительно показано в работах Стиглица³.

Почему же так случилось, что наиболее популярные, повсеместно преподаваемые и широко распространённые теории оказались не способными быть надёжным инструментом понимания происходящих процессов и выработки адекватных ситуации решений? Это объясняется как объективными, так и субъективными обстоятельствами.

Объективно относительно сбалансированное функционирование экономик развитых стран во второй половине XX века породило ситуацию, когда сугубо функциональные подходы давали достаточно хорошо формализованные, математизированные и практически эффективные ответы на вопросы о том, как взаимодействуют элементы системы, независимо от того, насколько познана сущность самой системы и её элемен-

² Harvard Politecal Review – Harvard – November 2, 2011 // <http://hpronline.org/harvard/an-open-letter-to-greg-mankiw/>.

³ См.: Стиглиц Дж.Ю. Глобализация: тревожные тенденции. – М., 2003.

тов. Формула такого подхода: мы не знаем, что это такое, но знаем, как это работает в известных нам ситуациях, и можем этим практически пользоваться.

Субъективно это выражалось в развитии функциональных подходов, математизации экономической теории, всё большем игнорировании проблем несовпадения глубинных и поверхностных процессов, утере интереса к данной проблематике, попытках обосновать такую ситуацию теоретически и появлении целого поколения экономистов, не способных оперировать категориями сущности, в отличие от форм её проявления. Такой подход был господствующим в преподавании экономикс, микро- и макроэкономики.

В Украине такие подходы в последние два десятилетия также получили широкое распространение, хотя её экономика была далёкой от сбалансированного состояния и находилась в процессе трансформации. Сейчас уже нередко можно встретить выпускника вуза, который знает иностранные языки, может построить математические модели, но не способен за внешними формами проявления отыскать не совпадающую с ними сущность и вообще более глубокие основания. Он просто не понимает, чего от него хотят.

Между тем, динамичное развитие общества приводит к тому, что изменения претерпевают не только внешние формы проявления, функциональные связи, но и сущность системы общественно-экономических отношений. Изменение сущности выражается в изменении формообразования, функциональных связей, что делает старые представления о функционировании системы непригодными для решения практических задач. Практические рекомендации становятся всё более неадекватными ситуации и приводят к результатам, не совпадающим с ожидаемыми, а часто даже противоположным им. Украина двух последних десятилетий в этом смысле может служить классическим примером. Всё начиналось с обещаний в начале 1990-х годов через несколько лет вывести страну в число развитых (и объективное состояние экономики давало для этого определённые основания), а закончилось десятилетним падением (ВВП снизился за этот период до 40,8% от исходного уровня), сменившимся несбалансированным, ухудшающим по многим параметрам структуру экономики ростом в 2001–2008 годах и новым глубоким падением в 2009-м на 14,4%, которое, по прогнозам, может быть преодолено только в 2012–2013 годах, а ВВП в 2011 году составил только около двух третей от уровня 1990 года⁴.

Кроме объективной сложности решаемых социально-экономических задач, такому глубокому падению способствовало непонимание сути происходивших процессов, их инверсионного характера, определявшего изменённый и часто противоположный классическому порядку экономических преобразований. Экономика Запада, как известно, двигалась к современному состоянию путём перехода от мелкой к крупной частной собственности, от свободной конкуренции и свободного ценообразования к монополии и механизмам государственного регулирования. Экономика Украины в начале 1990-х была максимально огосударствлена и зарегулирована, поэтому она должна была двигаться в противоположном направлении. Это не было учтено в рекомендациях западных специалистов и реаль-

⁴ Офіційний веб-сайт Державної статистичної служби України // <http://www.ukrstat.gov.ua/>.

ных преобразованиях, что и стало одним из важных факторов, предопределивших глубокое падение⁵.

Инверсионность экономических процессов совпала во времени с развитием глобализационных процессов. Это привело к тому, что Украина приспособилась к мировой экономике в виде сырьевого придатка, не имея развитого внутреннего рынка, не решив основополагающих задач создания национальной экономики. Именно соединение двух обстоятельств – инверсионного характера рыночных преобразований и глобализации – привело к тому, что она попала в экономическую ловушку. Чем выше темпы экономического роста, происходящего, прежде всего, за счёт сырьевых отраслей (металлургии, химической промышленности), тем хуже структура экономики, тем больше диспропорции и тем большая вероятность и разрушительный характер следующего неизбежного кризиса.

Всё это обуславливает необходимость поиска новых теоретических подходов и методологии, способных вооружить общество адекватным пониманием происходящих процессов и эффективным инструментарием воздействия на них. Несмотря на то, что безраздельное господство в теории и концепциях международных финансово-экономических организаций принадлежало мейнстриму (что естественно, иначе это и не был бы мейнстрим), в мире, как уже отмечено, существует множество неортодоксальных и альтернативных экономических подходов и течений. Для иллюстрации этого положения достаточно посмотреть схему эволюции новейшей истории экономической теории Запада, предложенную А.Худокормовым⁶. Даже при общем знакомстве с данной схемой видно огромное разнообразие предметов, теоретических установок, концепций и результатов исследований. И это лишь один из реализованных подходов к классификации.

В классификации, предложенной А.Либманом⁷ и схематически представленной в части, относящейся к экономической теории, А.Худокормовым⁸ (речь идёт о структуре западного научного сообщества экономистов и неэкономистов, изучающих экономику), мы видим радикальную, сравнительную, международную политическую экономию. К этому следует прибавить неортодоксальную, институциональную, феминистскую, экологическую, структуралистскую политическую экономию, политическую экономию развития⁹, конституционную политическую экономию¹⁰, новую политическую экономию (с разными смыслами)¹¹, политэкономии власти¹² и другие разновидности политической экономии.

⁵ См.: Новый курс: реформы в Україні 2010–2015. Національна доповідь. – К., 2010. – С. 4.

⁶ *Худокормов А.Г.* Основные тенденции в новейшей экономической теории Запада // Труды семинара "Теоретическая экономика". – М., 2009. – С. 218, 272–273; *Худокормов А.Г.* Экономическая теория: Новейшие течения Запада: Уч. пособ. – М., 2009. – С. 360–361.

⁷ *Либман А.М.* Экономическая теория и социальные науки об экономике: некоторые направления развития. – М., 2007. – С. 19–33.

⁸ *Худокормов А.Г.* Основные тенденции в новейшей экономической теории Запада. – С. 216; *Худокормов А.Г.* Экономическая теория: Новейшие течения Запада. – С. 357.

⁹ *О'Хара Ф.* Современные принципы неортодоксальной политической экономии // Вопросы экономики. – 2009. – № 12. – С. 38–57.

¹⁰ *Либман А.М.* Политико-экономические исследования: обзор и некоторые приложения // Теоретическая экономика. Труды семинара. – Кн. II. – М., 2008. – С. 332.

¹¹ *Чекмарёв В.В.* Разные новые политические экономии // Философия хозяйства. – 2009. – № 5. – С. 90–99.

¹² *Олейник А.* Политэкономия власти: подходы к анализу отношений между государством и бизнесом в России // Вопросы экономики. – 2011. – № 5. – С. 19–32.

Кажется, что при таком разнообразии подходов и смыслов, вкладываемых в понятие "политическая экономия", его границы расплываются, становятся субъективными, зависимыми просто от того, какое содержание вкладывает в него тот или иной автор. Но это не так. Даже если авторы не задумываются глубоко о содержании этого понятия и используют его по наитию, интуитивно, без должного обоснования, сам этот факт достоин теоретического осмысления.

Пятилетний ребёнок, например, достаточно грамотно говорит, правильно строит предложения, спрягает, склоняет, изменяет соответствующим образом окончания, не имея представления, что это описывается сложной системой правил, постичь которые, возможно, ему до конца никогда и не удастся. Но, тем не менее, он достаточно уверенно и правильно осуществляет свою речевую деятельность, строящуюся по внутренним достаточно сложным законам. Эти законы ребёнок постигает вместе со способами предметной и речевой деятельности, её динамикой, алгоритмами и неотделимо от них на уровне подсознания, специально не думая о них и не осознавая их. Так же и учёный. Многие понятия, которые не являются для него предметом специального анализа, он использует глубоко инструментально и вкладывает в них тот смысл, который сформировался из предыдущего опыта употребления понятия без его научного изучения и определения. При этом такое употребление может имплицитно отражать более глубинные и существенные черты понятия, чем его специальное, но недостаточно углублённое изучение. Поэтому все случаи использования понятия "политическая экономия" в научных исследованиях достойны внимания и осмысления.

Чтобы разобраться во всём многообразии политэкономических подходов, необходимо выяснить их логико-историческое основание и способы его превращения в конкретные формы политико-экономических исследований. Происхождению термина "политическая экономия" и изменению его значения посвящены специальные работы¹³, которые могут служить основой дальнейшего углублённого изучения судьбы политической экономии и её места в системе современного экономического знания.

Экономические знания, связанные с трудовой деятельностью человека, возникают вместе с человеческим обществом и первоначально вплетены в "язык реальной жизни". Они не существуют вне трудовой деятельности человека и не обособлены от неё. Но по мере развития производительных сил общества, разделения труда мыслительная деятельность обособляется от предметной трудовой деятельности, возникают группы людей, которые занимаются преимущественно умственным трудом. В отличие от первобытного строя, в рабовладельческом обществе были философы, занимавшиеся осмыслением существующего мира. Уже в трудах древнегреческих философов Аристотеля, Ксенофонта, Платона можно найти высказывания, касающиеся отношений собственности, различия натурального и товарного хозяйства, разделения труда, обмена, свойств товара. А Ксенофонтом была написана работа, специально посвящённая экономике, под которой понималось учение о домашнем хозяйстве¹⁴.

¹³ См.: Груневеген П. "Политическая экономия" и "экономическая наука" // Экономическая теория. – М., 2004. – С. 680–687; Verri P. Reflections on Political Economy. Ed. P. Groenewegen. Reprints of Economic Classics, Series 2, no. 4. Sydney, 1986 [1771].

¹⁴ См.: Лисовицкий В.Н. История экономических учений. – Харьков, 2002. – С. 9.

Слова с корнем "эконом" ведут своё происхождение от греческих слов *oikos* – "дом" и *nomos* – "закон", а термин *oikonomike* в традиционном понимании означает "домоводство"¹⁵. Именно в этом смысле его употребляет Аристотель¹⁶. "Сходным образом латинский термин *oeconomia* также означал управление домашними делами, а в более широком смысле распространялся на "управление" вообще, включая вопросы правильного составления речей и литературных произведений. Французский термин *oeconomie* или *économie* воспринял расширенное латинское значение и в сочетании с определением *politique* характеризовал государственное управление или руководство государственными делами"¹⁷. Принято считать, что термин "политическая экономия" введён Антуаном де Монкретьеном в 1615 году в "Трактате по политической экономии"¹⁸, где рассматривались вопросы активного участия государства в регулировании хозяйственных процессов. Однако Дж.Кинг¹⁹ указывает, что этот термин употреблял ещё Майерн-Тюрк²⁰ в 1611 году, а, возможно, учитывая то значение, которое в ту пору придавалось связи между государством и экономикой, существуют и более ранние случаи его употребления²¹.

В дальнейшем термин "политическая экономия" получает широкое распространение. Его употребляет Петти (в смысле "политическая анатомия" наряду с термином "политическая арифметика" для описания искусства выносить точные суждения о политической экономии государств), физиократы (Кенэ, Мирабо), Джеймс Стюарт, использовавший первым из английских экономистов этот термин в заглавии своей книги и считавший, что наука политической экономии стремится "...обеспечить определённый фонд средств существования для всех жителей, предотвратить всякий риск возникновения недостатка этих средств, обеспечить все блага, необходимые для удовлетворения потребностей общества, и дать занятость всем жителям... таким образом, чтобы создать между ними отношения взаимности и зависимости, так, чтобы их личные интересы побуждали их содействовать удовлетворению взаимосвязанных потребностей друг друга"²².

Смит, Бентам, Торренс, Милль, Маккулох, Сениор и многие другие использовали термин "политическая экономия" в своих исследованиях в сходных, но различающихся аспектами и ударениями смыслах (исследование природы и причин богатства народов, связь с материальным благосостоянием, искусством законодательства, подчёркивание моральной и социальной природы политической экономии и т. д.). О господствовавших в то время представлениях о предмете политической экономии можно узнать из его определения в широко известной работе Дж.С.Милля о науке, изучающей "...законы, которые управляют общественными явлениями, возникающими как следствие объединённых усилий людей по производству бо-

¹⁵ См.: Груневеген П. "Политическая экономия" и "экономическая наука". – С. 680.

¹⁶ Аристотель. Политика // Сочинения: В 4-х т. – Т. 4. – М., 1983. – С. 398.

¹⁷ Груневеген П. "Политическая экономия" и "экономическая наука". – С. 680.

¹⁸ Montchretien A. de. Traite` de l'economie politique. Ed. Th. Funck-Drentano. Paris: Plon, 1889.

¹⁹ King J.E. The Origin of the Term "Political Economy" // Journal of Modern History. – 1948. – Vol. 20. – P. 230–231.

²⁰ Mayerne-Turquet L. de. La Monarchie Aristodemokratique; ou le Gouvernement compose` et melse` des trois formes de legitimes republicues. Paris, 1611.

²¹ Груневеген П. "Политическая экономия" и "экономическая наука". – С. 681.

²² Steuart J. An Inquiry into the Principles of Political Economy. Ed. A.S.Skinner. Edinburgh and London: Oliver & Boyd for the Scottish Economic Society, 1966 [1767]. – P. 15, 17. Цит. по: Груневеген П. "Политическая экономия" и "экономическая наука". – С. 681–682.

гатства в той мере, в какой эти явления не модифицированы стремлением к достижению какой-либо иной цели"²³.

Но в середине XIX века, по утверждению П.Груневегена, возникает два направления критики такого определения политической экономии. Одно связано с критикой К.Марксом содержания и метода политической экономии при сохранении самого термина ("Капитал" К.Маркса, как известно, имеет подзаголовок "Критика политической экономии"), другими предлагалось изменить сам термин, так как он стал вводить в заблуждение. Маклеод предложил термин "economics" (экономика или экономическая наука), определяя его как "науку, которая рассматривает законы, управляющие соотношениями между количествами товаров, подлежащих обмену", и убедил в достоинствах такой терминологии Джевонса, который дал ей одобрительную оценку во втором издании "Теории политической экономии"²⁴, а последнюю из опубликованных работ назвал "Принципы экономической науки"²⁵. По утверждению Кэннана²⁶, А.Маршалл изданием "Принципов экономической науки" в 1890 году положил начало широкому употреблению нового термина (economics). Однако Груневеген замечает, что такое утверждение справедливо лишь по отношению к последующим изданиям книги, а полная замена терминов завершилась не ранее начала 1920-х годов, но даже тогда Маршалл использовал соответствующие термины в качестве синонимов: "Политическая экономия, или экономическая наука, занимается исследованием нормальной жизнедеятельности человеческого общества; она изучает ту сферу индивидуальных и общественных действий, которая теснейшим образом связана с созданием и использованием материальных основ благосостояния"²⁷.

Политическая экономия возникает из потребности увидеть за внешними формами проявления их глубинные основания и сущность. Эта её родовая характеристика никуда не исчезла и не могла исчезнуть в процессе исторического развития. Она лишь видоизменяется, актуализируется или, наоборот, теряет актуальность в зависимости от исторических задач, интересов господствующих социальных групп и классов. Если есть заинтересованность в постижении сущности, то нужны политико-экономические подходы. Обычно это бывает необходимо новым, зарождающимся социальным слоям и классам, которые не удовлетворены существующим положением и своим местом в обществе. Именно это обстоятельство сейчас является одним из актуальных оснований интереса к политической экономии. Глобальный экономический и цивилизационный кризис, увеличивающееся неравенство в обществе во всех группах стран, возрастающая безработица при росте уровня образованности и т. д. явились причинами массового недовольства в Европе и Америке, в арабском мире, в постсоциалистических странах. Это пробудило новый интерес к К.Марксу, в основе учения которого лежит политическая экономия.

Если же нет заинтересованности в постижении сущности или есть заинтересованность в её сокрытии, то подходящими являются функциональные подходы, которые концентрируются не на вопросах сущности, а на

²³ Цит. по: Груневеген П. "Политическая экономия" и "экономическая наука". – С. 682.

²⁴ Jevons W.S. The Theory of Political Economy. 2nd edn. London: Macmillan; 1879.

²⁵ Jevons W.S. Principles of Economics. London: Macmillan, 1905.

²⁶ Cannan E. A Review of Economic Theory. London: P.S.King & Son, 1929. – P. 44.

²⁷ Цит. по: Груневеген П. "Политическая экономия" и "экономическая наука". – С. 683.

описании механизмов функционирования, их математическом моделировании и совершенствовании. Эту роль исторически выполнил экономикс. Объективно это было возможно только в достаточно стабильно функционирующем обществе, каким и было общество, представленное развитыми странами во второй половине XX века.

Сущность экономических явлений всегда заключается в экономических отношениях между людьми в процессе производства, распределения, обмена и потребления благ. Именно отношения между людьми превращают бумагу в деньги, полезные вещи в товары, человека в производителя и потребителя, продавца и покупателя и т. д. А исходным экономическим отношением, порождающим человека и общество, как показано в литературе и доказано экспериментально, является совместно-разделённый труд²⁸.

В первобытном обществе, где и формировался совместно-разделённый труд, все участвовали в процессе труда, совместно добывали средства к жизни. Поэтому труд с самого начала был совместным, но каждый человек выполнял лишь часть этого труда. Следовательно, весь труд был разделён между индивидами. Однако это деление его не на роды, виды (охоту, земледелие и т. д.), а между индивидами одного и того же труда, например, охоты. Разделённость труда выступает здесь как другая характеристика совместности. Раз труд совместный, то он выполняется несколькими индивидами. Следовательно, каждый выполняет лишь часть труда, и весь труд оказывается разделённым между его участниками. Такой труд можно квалифицировать как совместно-разделённый. Он и есть той клеточкой, из которой исторически развиваются как общественное разделение и обособление видов труда, так и его кооперирование и обобществление. Нет ни одного экономического явления, которое не являлось бы конкретной формой совместно-разделённых отношений и не содержало бы их в себе. Открытие К.Марксом двойственного характера труда (абстрактного и конкретного труда как выражения, с одной стороны, общественного, а с другой – частного) было открытием совместно-разделённого труда на уровне превращения его моментов из конкретного тождества, включающего в себя различия, в противоположности (совместность превращается в абстрактно-общественный труд, а разделённость – в конкретно-частный).

Вместе с тем исторически развивается и внутреннее единство разделённого (обособленного) и совместного (обобществлённого) труда. В силу этого противоположности снова становятся тождественными, но на новой исторически развитой основе. Они сливаются во всеобщем труде. Всеобщий труд есть тот же совместно-разделённый труд, но прошедший через историческое развитие своих сторон (совместности и разделённости) до уровня взаимоотношения противоположностей и последующего их слияния в новом единстве. Всеобщий труд можно проиллюстрировать на примере труда современного учёного, который, например, сидя у себя дома, с помощью компьютера пользуется лучшими библиотеками мира, информацией, накопленной многими поколениями. Труд этого учёного, с одной стороны, предельно обособлен, потому что он работает один и ни с

²⁸ См.: Гриценко А.А. Развитие форм обмена, стоимости и денег. – К., 2005. – С. 51–53, 110–115.

кем непосредственно не вступает в кооперацию. Но с другой стороны, он предельно обобществлён, так как опирается на неограниченную в пространстве и времени кооперацию труда посредством знаний не только со своими современниками, но и предшественниками (К.Маркс).

Логика исторического развития совместно-разделённого труда является основой понимания взаимосвязи индивидуального и общественного начал во всех производных отношениях: потребностях, интересах, полезностях и т. д. Институты как правила и нормы деятельности возникают на стыках, переходах индивидуального и общественного, поэтому они выражают тождество, единство индивидуального и общественного, разделённости и совместности. Правила и нормы, с одной стороны, возникают как обобщение и закрепление повторяющегося в индивидуальном поведении, с другой стороны, установившись, требуют подчинения индивидуального поведения общим правилам. И в одном случае (формировании), и в другом (функционировании) речь идёт о требовании совпадения, тождества, единства индивидуального и общественного в поведении. Институт является первой закреплённой формой совместно-разделённых отношений, которые сами по себе имеют процессуальный характер. Он существует как необходимое общественное условие и потенциальная граница деятельности даже тогда, когда сама деятельность прекращена. Институты есть специфически общественное образование, они не существуют за пределами общества. Там, где есть институты, есть общество. Там, где их нет, нет и общества. А значит, нет и человека. Именно стык, соединение, тождество индивидуального и общественного образует ту социальную материю, из которой сотканы общество и человек. Институты – это своеобразный каркас, соединяющий все кирпичики в общественное здание и придающий им социальный характер. Они играют ключевую роль в разнообразии общественных устройств. Определяющая роль орудий труда в развитии общества в этом контексте есть определяющая роль технико-технологических институтов, так как орудия труда – это лишь опредмеченная, овеществлённая форма определённых правил, норм, устоявшихся способов деятельности, то есть институтов²⁹.

Развитие совместно-разделённых отношений осуществляется от конкретного тождества, включающего в себя различия, через разность и противоположность к процессулирующему противоречию разделённости и совместности, индивидуальных и общественных начал³⁰. Развитой формой реализации индивидуальных начал являются институты рынка, а развитой формой общественного начала – институт государства.

²⁹ См.: Институциональная архитектура и динамика экономических преобразований. – Харьков, 2008. – С. 928.

³⁰ Гегель так описывал это движение по ступеням противоречия: "Различие вообще содержит обе свои стороны как моменты; в разности они безразлично распадаются; в противоположности, как таковой, они стороны различия, определённые лишь одна через другую, стало быть, лишь моменты; но они определены также и в самих себе, безразличные друг другу и исключают друг друга: они самостоятельные рефлексивные определения... Так как самостоятельное рефлексивное определение исключает другое в том же отношении, в каком оно содержит это другое (и потому оно самостоятельно), то оно, обладая самостоятельностью, исключает из себя свою собственную самостоятельность, ибо последняя состоит в том, чтобы содержать в себе своё другое определение и единственно лишь благодаря этому не быть соотношением с чем-то внешним; но столь же непосредственно эта самостоятельность состоит в том, чтобы быть самой собой и исключать из себя своё отрицательное определение. Самостоятельное рефлексивное определение есть, таким образом, противоречие". См.: Гегель Г. Наука логики: В 3-х т. – Т. 2. – М., 1971. – С. 55.

Логика исторического развития совместно-разделённого труда как основа понимания взаимосвязи индивидуального и общественного начал применима также к изучению взаимосвязи рынка и государства. Первоначально на рынке действуют индивиды как самостоятельные субъекты, собственники, преследующие свои эгоистические интересы. Общественное начало представлено здесь лишь их связью через рынок, отношения купли-продажи. Оно не обособлено от частной деятельности индивидов, а является их другой, скрытой стороной. Это и есть "невидимая рука" Смита. Общественное и частное здесь соотносятся как различия внутри тождества. На теоретическом отражении этого достаточно простого соотношения основана либеральная доктрина.

Однако по мере усложнения рыночных отношений происходит обособление общего и частного начал, притом таким образом, что каждое включает в себя другое (стадия разности). Рынок продолжает функционировать, в основном, без вмешательства государства, а государство как особый (единичный, частный) представитель общего интереса (даже если это интерес всего лишь определённого класса, а не всего общества) существует наряду с рынком, только внешним образом и спорадически вмешиваясь в рынок. На этой стадии (разности) рынок в принципе может существовать без государства, а государство без рынка, хотя они существуют рядом и внешне взаимодействуют.

На следующей, более развитой стадии рынок и государство превращаются в противоположности, взаимопредполагающие и исключающие друг друга, а их взаимоотношения превращаются в процессирующее противоречие. Рынок – это не государство, государство – не рынок. В этом отношении они исключают друг друга. Но, в то же время, рынок уже не может существовать без государства, а государство без рынка. Рынок предполагает деятельность государства по правовому регулированию рыночных контрактов, проведению монетарной политики, направленной на поддержание стабильности денежной единицы, которая теперь лишь представляет стоимость в обмене, но сама реальной стоимости не имеет и, следовательно, опирается на "экономическую силу" государства. Постоянно растёт доля общественных благ, производство, распределение, обмен и потребление которых не может регулироваться сугубо рыночными принципами. Таким образом, рынок предполагает деятельность государства и включает её в свою систему отношений. Государство, в свою очередь, предполагает рынок и включает рыночные отношения как объект и форму в осуществление своей деятельности. Законодательная деятельность по регулированию рыночных отношений, монетарная, бюджетная политика, государственные закупки товаров и услуг по рыночным ценам и т. д. – всё это формы бытия рыночных отношений в государственной сфере. В то же время рынок и государство включают друг друга как противоположности, ибо рынок основан на принципах эквивалентности, а государство базируется на неэквивалентных экономических отношениях.

Современная экономика и современное государство – это единство, процессирующее противоречие, постоянное отрицание и предположение друг друга. Это противоречие осуществляется и разрешается в разнообразных формах: устойчивого и динамичного развития, стагнации, кризиса, ослабления государственного регулирования в период сбалан-

сированного роста и усиления – в период кризисов и т. д. Задача современной науки и экономической практики – адекватно теоретически воспроизвести это противоречие и найти для каждой ситуации соответствующие формы его разрешения.

Жизнь постоянно рождает формы соединения индивидуального, частного и государственного через разнообразные общественные формы (государственно-частное партнёрство, сотрудничество государства в разработке и принятии решений с общественными и профессиональными организациями, усиление влияния гражданского общества на деятельность государства и т. д.). В Украине это движение также заметно. Примерами могут быть попытки государства найти компромисс с бизнесом и гражданами в вопросах реформирования систем налогообложения, социального обеспечения и пр.

Это движение можно изобразить схематически (рисунок).

Рисунок. Взаимосвязь рынка и государства

Таким образом, в современном обществе рынок и государство являются комплементарными институтами, предполагающими и исключаящими друг друга и выполняющими свои специфические, незаменимые функции. Поэтому на смену концепциям, минимизирующим роль государства в экономике, и концепциям огосударствления экономики должна прийти методология совместно-разделённых отношений, позволяющая дать теоретические основания для практической реализации комплементарности рынка и государства. Общей установкой такого подхода должно стать утверждение: больше государства и больше рынка.

При таком подходе вообще не возникает широко обсуждаемой в литературе проблемы провалов рынка и государства, так как каждая структура выполняет свои специфические взаимодополняемые функции. Проблема провалов рынка (как и государства) является теоретической аберрацией: сначала рынку приписываются свойства решать все экономические проблемы, а затем обнаруживается, что ряд проблем он

не способен решать. И это обозначается как провалы рынка. Конечно, можно считать, что неумение летать является "провалом" бегемота, а неумение долго находиться под водой – "провалом" птиц. Однако такая умственная конструкция далека от реальности.

Подобно этому провалы рынка также существуют лишь в головах теоретиков, а в реальной действительности им соответствует дисфункциональность государства, возникающая в результате господства концепций всеисильности рынка. Поэтому "провальная" концепция соответствует своему названию и не является безобидной, так как не ориентирует государство на активное выполнение своих органических функций и участие с самого начала вместе с рынком в обеспечении целенаправленного и сбалансированного развития экономики. Китай, экономическая политика которого основывается на использовании рынка и государства в соответствии с их функциями, имеет опыт более чем 30-летнего устойчивого динамичного развития.

Исходя из изложенного, можно выделить два наиболее важных основания актуализации проблематики политической экономии, соответствующие двум наиболее распространённым подходам к пониманию её предмета. Первое основание заключается в возрастающей практической необходимости познания не только функциональных форм, но и сущности экономических явлений в связи с существенными и динамичными изменениями самой экономической реальности. Здесь реализуется понимание политической экономии как науки, ставящей задачу раскрыть сущность экономических явлений и процессов. Второе основание связано с тем, что соотношение индивидуального и общественного начал совместно-разделённой деятельности представлено на современном этапе развёрнутым взаимодействием институтов рынка и государства, обостряющимся в условиях кризиса противоречиями между ними и субъектно выражающимся в конфликте гражданского общества и бизнеса с государством. Здесь реализуется понимание политической экономии как науки, занимающейся проблематикой, связанной с взаимодействием экономики и государственной экономической политики.

Политическая экономия изучает совместно-разделённые отношения во всех экономических явлениях и процессах. В этом состоит специфика её предмета. Если конкретные формы воплощённости совместно-разделённой экономической деятельности рассматриваются со стороны разделённости, то образуется микроэкономическая проблематика и микроэкономика как часть экономической теории. Если конкретные формы воплощённости совместно-разделённой экономической деятельности рассматриваются со стороны совместности, то образуется макроэкономическая проблематика и макроэкономика как часть экономической теории.

Но и микро-, и макроэкономика опираются на политическую экономию как свою основу. Политэкономия изучает противоречия совместности и разделённости, общественного и частного во всех формах проявления и, следовательно, вскрывает их сущность, которая не вкладывается в формальную логику, не формализуется в своём глубинном основании, а значит, плохо поддаётся математизации. Микроэкономика изучает бытие совместного в разделённом, общего в частном, а макроэкономика, наоборот,

разделённого в совместном, частного в общем – в непротиворечивых функциональных формах, допускающих предельную формализацию и, следовательно, математизацию, что мы и наблюдаем в реальности. Непосредственным стыком, соединением, тождеством индивидуального и общественного, как уже отмечалось, являются институты, воплощающие общее в поведении людей (формирование правил и норм) и воплощаемые в этом поведении (подчинение правилам и нормам). Институты образуют социальный каркас общества, в рамках которого осуществляется деятельность. Они изучаются одним из наиболее влиятельных в современной общественной науке направлений – институционализмом, который одной своей ветвью смыкается с экономической наукой.

Институциональная теория сыграла весьма важную роль в приближении теории к реальному отображению действительности. Она "возникла и развивалась как оппозиционное учение сначала политической экономии, а потом экономикс" и пыталась отразить "не только формальные модели и строгие логические схемы, но и живую жизнь во всём её многообразии"³¹. Современная структура институциональной теории весьма сложна и противоречива. Единой её классификации нет, хотя есть попытки упорядочить институциональные концепции³². Институциональная экономическая теория и другие течения экономической мысли активно взаимодействуют, взаимообогащаясь и, в то же время, концептуально отрицая друг друга. В этом взаимодействии появляется множество различных пересекающихся, интегрирующихся, взаимодополняющих, сопряжённых и иных концепций и теорий.

Любая экономическая деятельность осуществляется в определённых институциональных (общих, частных, специфических) условиях. Политическая экономия исходит из этих условий как внешних предпосылок, не делая их предметом специального анализа. Поэтому переход от теории одной экономической системы к другой неизбежно предполагает введение новых институциональных условий как предпосылок, выполняющих роль аксиом. Однако эти предпосылки также исторически формируются в процессе экономической деятельности людей. Следовательно, специфическая задача институционализма не может быть решена без обращения к экономической теории как необходимой внешней предпосылки. А полное воспроизводство исторического движения экономических систем возможно только в результате соединения институциональных и экономических (политико-, микро- и макроэкономических) подходов.

Решение этой задачи по существу совпадает, с одной стороны, с созданием политической экономии в широком смысле (термин введён Ф.Энгельсом³³) как науки, изучающей формирование и развитие экономических систем общества на всех этапах и во всех формах при различных институциональных условиях (здесь решение задач институционализма и политической экономии в широком смысле сливается в едином исследовательском процессе). С другой стороны, оно совпадает с формированием политической экономии в узком (локальном) смысле – как науки, изучающей сущность и формы проявления отдельных экономиче-

³¹ Нуреев Р.М. Эволюция институциональной теории и её структура // Институциональная экономика: Учебник. – М., 2007. – С. 26.

³² Там же. – С. 50–54.

³³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Изд. 2-е. – Т. 20. – С. 153–154.

ских явлений, процессов, аспектов и т. д. (например, политическая экономия власти, политическая экономия развития, конституционная политическая экономия и пр.). В определённом смысле можно говорить о формировании глобальной и локальной политической экономии. Глобальная политэкономия прослеживает всю историю развития системы экономических отношений (исторический аспект), доводя её рассмотрение до системы экономических отношений современной глобальной экономики (логический аспект). Локальная политэкономия применяет политико-экономическую методологию к решению частных, относительно самостоятельных проблем. Вместе с тем глобальная политическая экономия включает в себя локальную, а локальная существует только в соотношении с глобальной.

Исходные условия, правила, нормы, ограничения экономической деятельности изучаются институционализмом, который и образует переходное звено и общую предпосылку изучения экономических процессов и явлений. Институционализм опосредствует переходы как от одной исторической системы экономических отношений к другой, так и от общих и глобальных проблем к частным и локальным. Этот переход включается в саму ткань исследования, которое таким образом, не теряя политэкономический, приобретает ещё и институциональный характер. По существу, такая наука представляет собой институциональную политическую экономию. Она образует сердцевину как глобальной, так и локальной политической экономии. Или, иначе говоря, глобальная и локальная политэкономия по сути является институциональной. Это можно выразить и так: институциональная политическая экономия реализуется в формах глобальной и локальной политэкономии.

Рассмотренные обстоятельства показывают основательность и методологическую перспективность подходов, изложенных большой группой учёных, которые озабочены кризисным состоянием экономической науки и пытаются предложить направления выхода из него в своеобразном Манифесте "К созданию институциональной политической экономии" (Towards an Institutionalist Political Economy)³⁴. "Мы исходим из предположения, которое одновременно образует основу нашей исследовательской программы, – пишут авторы, – что только в рамках институциональной политической экономии разнообразные школы нестандартной экономической мысли имеют возможность ясно осознать своё потенциальное единство и найти общую платформу"³⁵.

Экономикс в рамках такого подхода интерпретируется как аналитическая составляющая политической экономии. Акцентируется внимание на невозможности отделять анализ хозяйственных рынков от рефлексии по поводу их политических и этических оснований. Общие теоретические положения институциональной политической экономии трактуются как такие, которые нельзя применять повсеместно, вне зависимости от времени, исторического и социального контекста, в котором укоренена любая экономика. Важными являются теоретические установки, в соответствии с которыми жизнеспособная координация не может быть достигнута посредством сугубо инструментальной индивидуалистической рациональ-

³⁴ Буайе Р., Бруссо Э., Кайе А., Фавро О. К созданию институциональной политической экономии // Экономическая социология. – 2008. – Май. – Т. 9. – № 3. – С. 17–24.

³⁵ Там же. – С. 18.

ности, она предполагает наличие разделяемых ценностей и политического регулирования. Перспективным является стремление преодолеть противопоставление рынка и государства. "Институциональная политическая экономия, – утверждают авторы Манифеста, – исходит из принципиальной роли Общества как такового, которая оказывается важнее координации и регулирования, осуществляемого в рамках связи Рынка и Государства. Таким образом, наряду с Государством и Рынком институциональная политическая экономия исходит из относительно самостоятельного существования Общества, как бы оно ни определялось – как гражданское общество и общество ассоциированных связей или, в более общем виде, как совокупность местных, национальных, внутри- и наднациональных социальных отношений"³⁶.

Вместо одного (рыночного) способа обращения продуктов и услуг предлагается рассматривать три (рынок, перераспределение, реципрокность), получающие свои конкретные воплощения в рамках специфических институтов. Концепция также исходит из положений об отсутствии синхронного и диахронного, единственно возможного наилучшего пути развития институтов, необходимости нахождения критериев институциональных изменений, чтобы идентифицировать те институциональные элементы, которые должны быть полностью сохранены, и те, которые должны быть подвергнуты преобразованию. Исследовательская программа предполагает многоуровневый анализ и создание своей специфической теории социального и экономического действия.

Нормативные положения концепции нацелены на формирование политической, демократической, моральной и справедливой общности. Положение о допустимости неравенства лишь в той мере, в какой оно позволяет улучшать позиции беднейшей части населения, дополняется тезисом о недопустимости такого уровня неравенства, который начинает разрушать политическую и моральную общность. Система сдержек и противовесов внутри политической системы, между законодательной, исполнительной и судебной властью должна быть расширена за счёт системы "сдержек и противовесов между Государством, Рынком и Обществом, а в экономической плоскости – между обменом, перераспределением и реципрокностью"³⁷.

Институциональная политическая экономия опирается на нормативный неуниверсалистский и нерелятивистский сравнительный подход к исследованию институтов и стремится к разработке градуалистской реформаторско-революционной теории эволюции³⁸.

Новая парадигма содержит много дискуссионных вопросов, но она улавливает главные проблемы современного общественного развития и пытается дать адекватные ответы, определяя важнейшие направления и формы решения стоящих перед обществом задач. Общей методологической основой институциональной политической экономии как сердцевины глобальной и локальной политэкономии мог бы стать диалектический метод, сочетающий диалектическое восхождение от абстрактного к конкретному, призванное дать теоретическую реконструкцию целостной социально-экономической системы, и эклектический подход, опирающийся

³⁶ Там же. – С. 20.

³⁷ Там же. – С. 23.

³⁸ Там же. – С. 23–24.

на прямое обобщение и сочетание разнородных фактов, на эмпирико-описательный переход от одной теории целостной системы к другой или от одной частной проблемы к другой. Единство и несводимость друг к другу диалектического и эклектического подходов в глобальной политэкономии выражается, с одной стороны, в высвечивании в процессе восхождения от абстрактного к конкретному эмпирических фактов, попадающих в поле зрения теории, и вовлечении их в теоретическое осмысление, с другой – в невыводимости сугубо логическим путём одной экономической системы из другой и необходимости обращения к эмпирике как самостоятельной нетеоретической реальности, которая в теорию может быть введена лишь в виде внешних предпосылок. В локальной политэкономии переход от одной проблемы к другой вообще не опирается на внутреннюю логику, а зависит от внешних актуализирующих обстоятельств. Здесь эклектизм доведён до предела: политэкономия распадается на ряд самостоятельных учений (политэкономии власти, услуг, развивающихся стран и пр.), хотя внутри них также реализуется научный метод восхождения от абстрактного к конкретному.

Методология институциональной политической экономики даёт новые возможности для осмысления современных нестандартных ситуаций как в глобальном, так и в локальных экономических пространствах (странах, регионах, отдельных секторах и сферах экономики), имеющих специфические институциональные условия функционирования и развития. Вместе с тем она через институциональные условия, впитывающие в себя влияние смежных неэкономических факторов (природы, техники и технологий, исторических традиций, национального менталитета и т. д.) обеспечивает актуальную междисциплинарную сопряжённость политической экономики с другими отраслями знания.